

Но Ван Даху, который в прошлой жизни пережил нечто подобное, знал, что в такие моменты нельзя отступать.

— И что... — Ван Даху выпрямился, его голос звучал с непривычной холодностью. — Ты собираешься сдать? Если подумать, все твои мучения, боль, смятение — все это исчезнет, если ты от него откажешься. Это будет облегчением для всех.

— Отказаться... — Ван Яоцзу замер, перестал плакать и посмотрел на него. — Как ты думаешь, что самое важное для человека?

— Жизнь?

— Да. Но для меня он важнее жизни. — Сказав это, Ван Яоцзу вытер слезы и твердо произнес.

Ван Даху внимательно посмотрел на него и вдруг улыбнулся.

— Так ответ уже очевиден, не так ли?

Ван Яоцзу замер, затем энергично кивнул.

Некоторые вещи просто невозможно принять быстро.

Через несколько дней Ван Яоцзу и Лун Имин уехали. Перед отъездом они снова зашли к дедушке. Ван Яоцзу вышел с красными, как у кролика, глазами, но его рука была крепко сжата с рукой мужчины рядом.

В последующие дни в семье Ванов наступил застой. Ни Ван Даху, ни Ли Цинжань не осмеливались упоминать Чихуахуа перед стариками.

Время текло медленно, и вот прошло уже два месяца.

В эти дни Ван Даху почувствовал, что с его телом что-то не так. Живот время от времени начинал болеть. Сначала он не придавал этому значения, но боль становилась все чаще, и Ван Даху понял, что, скорее всего, у него аппендицит.

Как и ожидалось, врач подтвердил диагноз.

Итак, всегда здоровый парень оказался на операционном столе, чтобы пережить удаление червеобразного отростка.

Поскольку операция была несложной, ее сделали в районной больнице.

Когда он очнулся от наркоза, первое, что он увидел, была его мама, которая бесстыдно наносила помаду.

— Мама! — он возмущенно посмотрел на нее. — Твоего сына только что прооперировали! Ты хоть немного переживаешь?

Чжан Фан, увидев, что он очнулся, сначала обрадовалась, а затем сердито сказала:

— Дурак, это же просто аппендицит, о чем переживать?

Ван Даху чуть не взорвался от злости. Видимо, с появлением Ван Таосяня его ценность в глазах матери резко упала.

— Ууу... Жань... Мама меня не любит... Обними меня, утешь это израненное сердце.

Ли Цинжань засунул его беспомощно болтающиеся руки обратно под одеяло и сухо сказал:

— Тебе разрез на животе не болит?

Ван Даху, увидев, что его игнорируют, надулся, как ребенок, и закрыл глаза.

Чжан Фан и Ли Цинжань переглянулись и рассмеялись.

Дни в больнице были скучными, но Ван Даху умел находить развлечения даже в такой обстановке. Например — поддразнивать Ли Цинжаня.

Дрожащей рукой он оперся на него, слабый и беспомощный, всем своим видом показывая, как ему плохо.

Ли Цинжань сжал губы.

— Извини, что troubleю тебя! — Ван Даху опустил голову, притворно смущаясь.

Ли Цинжань снова сжал губы, затем развязал его штаны.

— Там еще один слой! — напомнил Ван Даху.

Ли Цинжань замер, отвернулся и одним движением стянул тонкие трусы.

В тот же маленький друг весело выпрыгнул наружу.

С чувством выполненного долга Ван Даху свистнул и начал облегчаться.

Конечно, это было лишь одним из его развлечений.

Например, он требовал, чтобы Ли Цинжань лично чистил ему яблоки, держал его за руку, разговаривал с ним и целовал его дважды в день...

В общем, Ван Даху довел искусство использовать болезнь до совершенства. Как только Ли Цинжань начинал выражать недовольство, он тут же начинал ныть: «Ууу... У меня болит живот, я больной, мне нужна любовь!»

В итоге, когда Ван Даху выписался из больницы, Ли Цинжань заметно похудел.

Из-за того, что он еще не мог нормально двигаться, он не вернулся в деревню Синье, а поехал прямо домой в уезд.

Теперь магазин сухофруктов Чжан Фан расширился, и вместо одного было три магазина. Отец Ван Даху больше не возил грузы, а только следил за делами в магазине. Чтобы отпраздновать выписку Ван Даху, Чжан Фан заказала стол в самом большом ресторане уезда, и старики тоже пришли.

Когда все уже ели, кто-то постучал в дверь.

Это были Чихуахуа и Лун Имин.

Дедушка, увидев их, сразу нахмурился.

Родители Ван Даху с улыбкой встали и уступили им места.

— Сынок, дай маме посмотреть на тебя! — Бабушка не выдержала и сразу же позвала Чихуахуа.

Ван Яоцзу послушно подошел к ней, позволяя старушке ощупывать себя.

Лун Имин держал в руках коробку с питательными добавками для Ван Даху. Было видно, что его рана полностью зажила, только на лбу остался шрам. Когда они сели, отец Ван Даху с улыбкой произнес несколько слов, видимо, пытаясь использовать этот момент, чтобы смягчить отношения между отцом и сыном.

Дедушка, хотя и выглядел недовольным, все же сохранил лицо и не ушел.

— Брат Жань, я хочу пить! — Пятилетний Ван Сяоху, не обращая внимания на подводные течения за столом, прижался к Ли Цинжаню.

— Какой напиток, ты уже толстый, как шарик, еще больше пить — и взорвешься! — Ван Даху рассмеялся и ткнул брата в лоб.

Ван Сяоху надул губы:

— Ну и гад! Брат Жань, этот противный Ван Даху меня обижает!

Детские шалости явно разрядили атмосферу за столом, и, благодаря шуткам родителей Ван Даху, все стало довольно весело. Чихуахуа, хотя и сидел рядом с бабушкой, время от времени поглядывал на дедушку, и его робкий вид забавлял Ван Даху.

— Дедушка, позвольте мне поднять тост за вас! — Лун Имин встал и почтительно поднял бокал.

Как только эти слова прозвучали, за столом воцарилась тишина.

Ван Яоцзу напрягся так, что, казалось, его волосы встали дыбом.

Лицо дедушки несколько раз изменилось, но он бросил взгляд на младшего сына. Мальчик похудел!

Эх, ладно! Я уже старик, мне уже не до этого.

— Ранка на голове зажила? — Дедушка смерил его взглядом, равнодушно спросив.

— ...Это моя вина!

— Хм... Почему я тогда тебя не убил, негодяя!

— Отец! — Ван Яоцзу закусил губу, казалось, он вот-вот заплачет.

Ван Шоуминь, увидев это, снова разозлился, мысленно ругая: «Ну почему мой сын, хоть и мужчина, ведет себя как девчонка, вечно плачет и ноет? Я же сегодня ничего плохого этому Луну не сделал, зачем так его защищать?»

— Дедушка, пейте быстрее! Это же пятидесятилетний Маотай, жалко пропустить! — Ван Даху с улыбкой подсказал.

В конце концов, под всеобщим взглядом дедушка взял бокал и выпил, после чего с недовольным видом сказал:

— Ничего особенного, мое домашнее рисовое вино лучше!

— Папа... — Ван Яоцзу вдруг рассмеялся, его лицо озарилось радостью.

Так обед в честь выписки Ван Даху стал обедом примирения, и отец с сыном наконец перестали быть врагами.

Пробыв в уезде еще несколько дней, Ван Даху вернулся с бабушкой и дедушкой домой.

На прощание Чжан Фан крепко поцеловала своего сына, который становился все симпатичнее.

Ван Таосянь же все это время держал Ли Цинжана за руку, надув губы и умоляя его не уезжать.

Даже Чихуахуа украдкой попросил Ван Даху замолвить за него словечко.

В итоге Ван Даху, оглушенный всей этой суетой, сел на автобус обратно в деревню.

<http://bllate.org/book/16441/1490832>